

Сибирская деревенская вечерка

П. Ф. Рыженко

В причумышской деревне вечеринка имела особую значимость в вопросах общения, развлечения, отдыха, исполнения ритуалов, обычаев культуры и быта.

Обособленное единоличное хозяйство занимало трудом все время года — из года в год, из поколения в поколение, из века в век — для обеспечения духовного и материального благосостояния большой деревенской крестьянской семьи. А человеку душу в чувствах где-то выплеснуть хочется: «хоть мужику, хоть бабе вымолвиться надость». «У проруби или колодца язык надо почесать. А рукам и ногам надо еще и размах, и душе на разгул», — говорили сокрушенно о чаяниях и мечтаниях сельчане.

Мужняя баба судьбу поносит (бранит и клянет), а девичья душа милого просит.

Бабы каются, а девки замуж собираются.

Бык и бодёт, а корова к нему идет.

Так природное к паре влечение ищет душе лечение.

Жизнь смертью за любовь стращает, а жизнь без смерти не бывает, так уж смерть пусть будет с любовью.

Любить — так до гроба, а душить — так до смерти.

Жизнь мучит, а любовь жить учит.

Любовь без страдания не бывает, а страданий не бывает без любви: и страдать, так уж с любовью.

Пойду к народу, а там... хоть в воду.

Так одиночество тянуло к общению. В летнюю пору время для сборищ было ограничено. Зимнее время было более «свободным». Не всегда хватало светла (светового дня), чтобы заняться бабьими семейными делами, не было светла (керосина), а сидеть с лучиной и на уголь смотреть чадно и досадно: «Пойду к куме или соседке. Там и скатерть повяжу, и на других погляжу».

Так исподволь собирались рабочие вечерки: попрясть, вязать на иглах (кофту, юбку, шарф, чулок, рукавицу, сеть рыболовную, шапку), вязать крючком (кружево, прошву, скатерть, накидку на кровать или подушку, салфетку, обвязать шторы, наволочки, носовые платки, кокошники, воротнички, нарукавники, детские повойки), вышить мужское и женское «уборное и белое белье», узоры, шторы, занавески, наволочки, покрывало и неисчислимость женской выдумки, вплоть до попоны на лошадь и конверта на «ездовых».

Долго «засиживались за беседой», пели частушки и «протяжные» песни, учились друг у друга искусству, учились и учили, «занимали» и составляли узоры, «не то садились за стол на угощение испить по чашечке чая, покуражить печеньем (стружни, вафли, пряники), солонинки изведать, способ «заготовки» попроведать». На рабочую вечерку брали и «молодь запечную». Здесь и передавалась из поколения в поколение наука бабьей жизни и доли. Здесь укреплялись нормы морали, нравов, заповедей, обычаев, обрядов, умения труда и трудолюбия, терпения, и по-

читания. Здесь «перемывались все косточки славы и порока». Это были старший и младший возрасты.

«Отдельно от старших» собирались средний и «невестный» возрасты. В кавычках «отдельно» потому, что старшие даже «по очереди» приходили «посмотреть-полюбоваться» пристойностью убора, одежды, поведения, разговора, чтобы подсказать о правилах и нормах «приличия и уважения». На такие вечерки-посиделки приходили парни — «женихи», «парубки», «мытари», гармонисты, плясуны, песенники. Сюда к исполнению приносили с почтением и уважением навыки и нормы от взрослых вечеринки и заповедей — наказов из-за запечья со сказками и рассказами, заповедями и традициями от бабушек и дедушек, от крестных и соседей, семейных и общественных — вопросы чести, совести, гордости, достоинства, родственности и товарищества, дружбы и согласия, искусства мастерства и творчества. Такие вечеринки имели место «смотрин», где старшие и женихи выбирали себе судьбу-пару. От вечеринки велись дорожки любви, свадеб, житейского уклада, общественных и семейных отношений полов, возрастов, родственников, друзей, побратимов, материнства, семьи, села и гражданства.

На таких посиделках были и угощения. Они устраивались девушками из края, улицы, угла, клина и т. д. Это уже были смотрины состоятельности хозяйки, проводившей у себя такую вечеринку. И чаще всего это были «девишники» «на высватывание» или «просватанных». Приносили угощения и парубки: конфеты, пряники и даже вино. Обычно к концу могли быть и песни, и пляски, и уличные гулянья.

Однако же часто в зимнее время маслениц и мясоедов, престольных праздников проводились вечеринки отдыха, забав и игр без занятий трудом. В летнее время они назывались «игрища» и «гулянья», проводились на улицах, на полянах, у лесных колков, на берегах ручьев и речек, «на горках» — традиционно сельских заветных местах. Позже, в первой половине XX в., такие места называли «точками», для шутки «тырлом» (место лежанки скота на выпасах). Пляшущие вытаптывали круги с песней-частушкой («под товарочку») под веселый наигрыш гармониста.

Вечеринки отдыха имели и свои особенности в том, что, кроме всего уже упомянутого, проводились игры: соседи, третий лишний, вызов по номеру, ручеек, ручеек-догонялка; пляски: подгорная, товарочка, барыня, таборок, гопак, цыганочка, яблочко, перепляс (в парах на выбор); танцы: тустеп, полечка, вальс, краковяк; частушки: саратовские, тамбовские, страдания, перепевки соперниц, песни хороводные, «протяжные», групповые, сольные, протяжные напевные (иногда импровизированные, распространенные в Кытмановском районе), застольные, гулевые и свадебные (как спевки).

На такие вечеринки отдыха был обычай «обряжаться», т. е. надевать самое наилучшее (празднич-

ное). «Богатые невестившиеся» девки надевали «базарское» (купленное в лавках-магазинах). Беднота гуляла «форсом» своего мастерства. Головной убор, обычно кашемировые шали, был наиболее обязательным. «Богачки на таких вечеринках и гуляниях держались отдельно. Там был свой «форс», — рассказывала Даронова С. В. (с. Копылово). Парни по таким, особенно по престольным, праздникам организовывали «выезды на тройках и под седлом». Это уже был «форс-смотр» на выезд: сбруи, лошадей, повозок, саней-кошевок, ходков, седел и лихой удали. И организовывались «выгулы» днем.

Приезжали на «выгулы» и из других улиц, клинов, заулков, выселков и даже деревень, что, конечно, было в неугоду местных парней. Любая вольность по отношению к девушкам или чести края могла вызвать протест. Достоинством края, уважением удали считалось защитить честь края или честь избранницы — возникали ссоры и драки. И тяжело было девушкам, если им полюбится «чужекраинский»: ни попеть, ни поплясать, ни пройтись. В таких случаях били и девушек, мазали у их домов дегтем ворота, пускали слухи и небылицы (сплетени), оскорбляющие честь и достоинство. И участь на замужество была не первой. А не дай Бог, бесчестье, того хуже — суразенок (безбрачнорожденный) — такие случаи (очень редкие) выносили судьбу на пожизненную обреченность безбрачья или выход замуж за вдовца или бобыля. «Срам и на улицу выходить, не то на гуляние». Но это разговор другого характера.

Были гуляния календарные: на Красную горку, на Троицу, на Ильин день и др. Некалендарными были беления холстов, когда по весне девушки на берегу речки или озера после отбивки вальками с водой расстилали свои холсты, полотенца под солнцем (даже на снегу), чтобы сбить серость (суровость) холста. Это был своеобразный смотр по искусству ткачества будущих невест: жен, невесток (снох). На смотрины выходили старшие возраста на будущий «высват». И здесь не обходилось без песен и хороводов. Парни «крали» рушники на право «высвата». Девушки ходили «на возврат к ловкачу», с признаком согласия на будущее сватовство. Правда, это отмечалось только «у хохлов», где допускались «вольности» девушек на открытое признание уважения «соблазника». Допускался свободный приход «ухажера» в дом избранницы и даже ночёвки с согласия родителей.

Некалендарными были гуляния на ледоход (проводы льда). Это больше соответствовало поселениям Нижнего Чумыша. Проводились гуляния на Ивана Купала, на пожинки, что было предшествованием будущих свадеб. Конечно, в этом имелась условность, так как в деревне знали: кто с чем ложится, кто с чем встает, кто что приемлет, кто чем подает.

Ко всем перечисленным вечеринкам, гуляниям, празднествам были определенные обычаи и традиции, а к обычаям и традициям и их «обряжение»: порядок (последовательность уклада и действий), оснащение материальное, кулинарное, духовное, гостеприимное, увеселительное, и потешное, и питейное. В отношении последнего по воспоминаниям гово-

рят: «Раньше пели, плясали, играли, развлекались — гуляли!!! А теперь пьянствуют без песен и басен — без гуляний».

Однозначно. Не всегда, не на все гуляния и вечеринки использовали хмельное. Оно было... было в меру. Пьяницы и тогда пили отдельно от гуляний: под плетнем, в кабаке, в канаве, в траве, в отраве. Были в деревне «выпивохи» — один-два из мужчин, но алкоголиков не было. О женщинах и упоминаний не встречалось — это «племя было благородным в крестьянском бытии». Не все деревни относились к гуляниям одинаково. В старообрядческих «кутках» хмельное не употреблялось, общение и увеселение ограничено и календарно, «во времени его траты». Это ограничение вносил религиозно-нравственный канон.

Подводя итог всему сказанному выше, можно отметить, что все дозволено, все уместно в пределах разумного, нравственно доброжелательного. Дополнительно необходимо указать, что в этом изначальная инициатива, самодеятельная организация и творчество — это достояние женского пола. Иногда его дополняли мужчины хамством, невыдержанностью, невежеством в вопросах поведения, культуры общения и уважения себя и общества.

Все больше до сего мы говорили о вечеринках «женского рода», о трудовом и нравственном воспитании. Но бытует в народе присказка: если хочешь в семье счастье иметь для своих детей — отец, воспитай в своих дочерях такую будущую жену и мать, и бабушку и тещу, какую ты бы хотел иметь в своей семье сам; мать, воспитай в своих сыновьях такого будущего мужа и отца, зятя и деда, каким бы ты их хотел для себя. Да жизнь рождает другую притчу: люди совершают в жизни ошибки, потому что слепы к своим недостаткам, себялюбивы в их оценках. Чтобы предостеречь человека от безнравственных поступков, надо научить его ставить себя на место тех, к кому относится его безнравственность. Да, раб раба воспитывает.

И получается, что от овса родится овес, а от пса — пес, у хана — хан, у пана — пан, в мужицкой семье — крестьянин. Вот и на вечерке мальчики вели себя так, как позволяло им общественное положение в деревне. Из богатых семей парни росли «на выхвал и зазнайство», на вседозволенность, а на осуждение их безнравственности и наглости говорили, что им завидуют. Такие мальчики шли на вечерку «на кураж, похвальбу и выбор». Богатые девчонки не ходили на вечерки: «У них была своя стежка-дорожка и своя одежка».

Кажется, что о таких деталях не следовало бы и упоминать, да было тому много примеров, что в богатых семьях свой «норов и уклад семейных отношений». Бедарева Аполинария Васильевна рассказывала, как жила ее тетя у богачей Пушкаревых в селе Мартыново. Пушкаревы жили на устье реки Шалапа, на слиянии с Чумышом. В ряд улиц стояли шесть больших крестовых домов, а амбаров никто и не считал. Так и назывался он — Пушкарев угол. Один из Пушкаревых был женат на Бычковой из села Шалап.

Бычковы в Шалапе тоже были не из бедных. Да не ко двору пришлась Пушкаревым невестка. Муж ее часто бивал до полусмерти, что была «нездоровая и ленивая». У них было уже трое детей. Невестке стало невмоготу такое житье, и она ушла с мольбой к родителям, чтобы уйти от мужа. Пушкарев приехал в Шалап за женою. И родители отказали дочери в приюте: «Ты, доченька, жена венчанная, такая твоя доля». Муж привязал свою «непослушницу» к оглобле, рядом с лошадей, и всю дорогу до дома гнал бичом жену и лошадь. После такой пробежки жена вскоре отдала Богу душу. Так все и сошло. Приехали родители Бычковы, чтобы забрать к себе внучат... Но таков был ответ: «Вон вы отсюда! Видите ли, у Пушкаревых нечем прокормить трех детей, что им подарила дохлянка».

Так вот, такие парубки приходили на вечерки и на гуляния с пряничками, а потом «вожжами и кнутом правили судьбу девичью». И таких примеров жизнь давала предостаточно.

Конечно, в данном случае описание касается большей частью жизненных буден зимнего времени, когда молодежь, да и старшие, имели «больше свободного часа для посиделок-вечерок». Но присказка к тому в жизни такая: не покупай коня в дождик — в дождик все кони блестящие; не выбирай жену на празднике — все бабы в праздник праздные, да в жизни все разные. А народ любит праздники, когда веселому отдыху отдавалось предпочтение. И называли такой отдых «гулянием».

Гуляния в летнее время выходили на простор улиц, лужаек, лесных полянок — и в опорках да на горку. Потом они получили и новое название «тырла».

Наилучшее выражение сути деревенских вечерок и гуляний можно понять и прочувствовать в песне. Вечеринка хранила, собирала, создавала нравы, культуру, песни, вошедшие в быт крестьянской жизни в течение не одного поколения, из глубокой древности. Песня прочно вошла в обиход обряда бытия, для матери начиная от укачивания дитяти, востребования чувств любви и жизненного уклада до причетов по умершему. Все это становилось жизненной необходимостью, средством выражения отношения к жизни.

Сибирь исстари песенная, а русский народ в объяснении его характеристики более всех песенный. Шепелев Данил Павлович, житель села Мартыново, потомственный сибиряк, заядлый на всех гуляниях песенник, так говорил о своей любви к песне: «Мать моя была песенница отменная и родила меня таким. А я как заорал, как свет белый увидел, так и сейчас не перестаю. Ну, первую песню после рождения я сам складывал, потом привык петь с матерью колыбельные, уже готовые для меня, ею сложенные; потом уж от людей брал, которая мне по нраву приходится. Песня — она от дурных мыслей отвлекает. Я и ем — пою, пою и работаю. Вот перестань петь, а жизнь-то — она вилючая и плакучая, кусучая, и думка о ней трескучая. А песню поешь — о песне и думаешь, и горе не таким страшным кажется. Да, песня

никому никакого вреда не приносит, а я песни про себя пою (молчком), и время тяжелое с песней быстрее утекает. А песни — они на все случаи бывают: и веселые и печальные. Вот и пой по своей душе».

У разных народов-переселенцев в Сибири я спрашивал о их национальных песнях. Но они всегда приводят в пример русские песни и напевы. Казах Сыкыров Назим сказал, что их песни акын слагает тогда, когда поет, а потом уже казахи об этой песне только рассказывают, а не поют. Но другие акыны поют, только со своими словами. В том же смысле повторяются мордва, башкиры, марийцы. Салдыгашев Дмитрий Кадымович в шутку отвечал: «Мы все поем и материмся только по-русски, а в уме у нас песня по-своему складывается и каждый складывает ее по-своему». Мельникова Екатерина Зарыповна (она татарка казанская из сел около Казани) говорила, что пели их певцы: все поют об этом же, но своими словами. «На могилках бабы причитают тоже со своими словами, а горе-то одинаковое у всех. Кто тебе скажет, что он будет петь у гроба?»

Во всем этом повторяется смысл русского речетатива в рассуждениях о жизни, в «причетах» свадебных и у гроба. Раньше в селах специально на свадьбу ходили, чтобы послушать «как невеста «выть» будет». И поют люди, начиная от молитвы о благодати до прощальной «подати».

И вправду сказать, даже в хоре можно услышать, кто как поет. Иногда говорят, что «он не так поет, мешает хору». А я думаю, что он поет так, как понимает, как чувствует песню. Может быть, что он поет не то, что чувствует и понимает дирижер, а по своему восприятию он прав. Деревенский самодеятельный хор на посиделках, на гуляниях без дирижеров и наставников велик тем общим настроением, которое создает момент празднества. Начни песню не в унисон общего настроения — песня не получится, закончится в самом начале.

Песня помогала выразить печаль семьи в ожидании и «решении судьбы» ямщика-кормильца в бесспорных отлучках на бескрайних таежных и степных просторах: «Степь да степь кругом, путь далек лежит. Как во той степи замерзал ямщик...» Монотонный гул веретена по созданию бесконечной нити: «В маленькой светелке лучинушка горит, молодая пряжа у окна сидит», чтобы одеть в самотканую одежду свою многочисленную семью «с ног до головы». Не могли вечерки прожить без песни. Сибирская деревенская вечерка была многофакультетным университетом крестьянской нравственности, культурного и трудового творчества, духовного и морального воспитания.

При записях народного творчества постоянно отмечается, что одна и та же тема отражает своеобразную индивидуальность исполнителя. Одна и та же песня в каждой деревне имела свои варианты: исполнения, исключения, дополнения. Приведу один пример. Маликова-Шарабарина Полина Осиповна, урожденная села Троицкого Троицкого района, в свои 80 лет вспоминала, как складывала свои песни:

Ничего у нас не слышно,

и кругом-то тишина.
Только у нас караульщик
только ли-ка стучит.
Только юный караульщик
только ли-ка стучит.
В низеньком у нашем Троицком
огонек да горит.
В низеньком у нашем Троицком
огонек да горит.
Там разбедна наша Маша
за шитьем она сидит.
Там разбедна наша Маша
за шитьем она сидит.
Круг ее распущена
русая ее коса.
Круг ее распущена
русая ее коса.
Обвилась она круг шеи,
как лютая она змея.
Обвилась она круг шеи,
как лютая она змея
Качала ж она лелела
своего ж она дитя.
Качала она лелела
своего ж она дитя:
Рости, дочь моя, большая,
отдам замуж за купца.
Рости, дочь моя, большая,
отдам замуж за купца.
Купец только не красивый,
но зато ведь он богат.
Купец только не красивый,
но зато ведь он богат.
Купит он тебе на платья
и теплый белый тепломат¹.
Купит он тебе на платья
и теплый белый тепломат.
Запряжет он тройку коней,
повезет тебя катать.

* * *

Э-эх-да. Темна ноченька ли мне-то не спится.
Сама я не знаю почему только, мальчик, почему.
Сама я не знаю, милый, почему.
Э-эх-да. Сама ль я девица, сама ли то сказала,
За мною, мальчик, только не гонись.
За мною, милый, только не гонись.
Э-эх-да. Если погонишься ты так за мною,
Потеряешь свой ты весь покой,
Потеряешь свой ты весь покой.
Э-эх-да. Потеряешь свой ты весь покой,
Свой веселый весь-то разговор,
Свой ты веселый сердешный разговор.
Э-эх-да. Свой ты веселый сердешный разговор,
Как шли купаться мы, мальчик, с тобою,
Как шли купаться ль, милый, с тобой.
Э-эх-да. Да мы купались, только разбирались
Под ракитовым, ой-да под ракитовым кустом.
Под ракитовым, мой миленький, кустом.
Э-эх-да. Мы купались, только-т разбирались
под ракитовым кустом.

На желтой песочек мы садились,
Перед светлою-то только ли водой.
Э-эх-да. Перед светлою-то только ли водою,
Ты запомни, мой любимый, мальчик мой,
Как ходили мы везде у реченьки с тобой.

* * *

То не кукушка во лесу кукует,
не лесная пташечка песенки поет.
То твоя доченька тоскует,
по тебе, мамаша, горьки слезы льет.
Выйду я на реченьку рано поутру,
выйду я на тихую в утренню зарю.
Выйди и ты, матушка, рано по воду,
и послушай, матушка, доченьку свою.
Как живется, горится твоя дочь родна,
на чужбине мается, горьки слезы льет.
Некому пожалиться, я кругом одна.
Муж и свекор бранятся, а свекровь и бьет.
Зачем меня матушка на свет родила,
зачем мою косоньку на две расплела.
Или я, родимая, тебя обидела,
или тебе, батюшка, я не дорога.
Ты отдал несчастную в чужу сторону,
Отдал сиротинушку, чтоб со мной не быть,
а мне на чужбинушке горьки слезы лить.

* * *

Ой, подружки, собирайтесь,
нашу... снаряжайте-ка.
Снаряжайте в путь-дороженьку,
в путь-дороженьку да невестою.
Свекровь-матушка — не родная мать,
приголубит ли, приласкает ли.
А твой суженый скажет ли
слово сердечное да приветное.
То не черной тучею
с грозовым дождем
свекор бросит взгляд
словно молнией.
Будут тебя золушки
во всем попрекать,
а тебе, родимая, плакать и рыдать.
Кто же твои слезыньки
на щечках утрет,
кто тебе, родимая,
Тепло слово скажет.
Куда же ты, доченька, собираешься,
в золотой убор снаряжаешься.
Кто тебя, голубушку, пожалеет,
кто тебя, родимую, пригреет.
Каку судьбу-долюшку тебе господь пошлет,
а за твою долюшку мать горьки слезы льет.
Зачем меня, матушка, из дому пускаешь,
в дом чужой отправляешь.
Как мне жить и быть, я не знаю.
Зачем меня, матушка, ты на свет родила,
на руках качала,
за ручку водила.
Или я тебе, матушка, не в угоду стала.
Ты прости за все, приголубь, приласкай.
Не отдай меня на чужую сторону.
Особое место в песенном репертуаре занимает

¹ Зимняя шуба на заячьем меху.

частушка. Ее в народе полюбили за краткость, остроумие, моментальность возникновения, простоту и искренность исполнения — под аккомпанемент и без аккомпанемента, в общении и в одиночку, в любое настроение и в любое время. Частушка четко реагирует на все случаи жизни. Любую частушку по любому поводу можно перефразировать, переосмыслить, переимпровизировать: она и драма, и лирика, и юмор, и сатира, и забава, и лукавство, и шутка, и игра, и басня, и наставление, и поучение — такая она забавная и любимая, шаловливая и озорная.

Часы отсчитывают время, календари листают дни, события меняют годы, меняются людские взгляды и запросы, скрипят и шатаются нравы, отрабатывается новый быт, на смену церковному венчанию спешит свободный гражданский брак. И вечерка идет в новое время обновленная, легкая, а иногда и легкомысленная. Вечерка становится самостоятельной. Волна «свободы» захлебнула старые нормы человеческих отношений и вместе с грязью безнравственности, угнетения и несправедливости стали смыывать чувства родственных отношений, семейных уз, ответственности за будущее семьи. Внезапность ослепила понятие, от чего надо отказаться, что надо ввести новое — необходимое к новому времени, к новому быту, к новым устоям нравов.

В этом случае невольно возникает сравнение песенного исполнения, народного танца, пляски с гарцеванием наездника на выдрессированном скакуне, где все рассчитано на эффектность, на красоту. Но кто видел, как гарцует на воле жеребенок, когда изогнув игриво шею, опустив голову к земле, взметнув хвостик вверх, стремительно несется он в никуда только потому, что это единый порыв резвости, силы, чувства свободы и неудержимой, необузданной стремительности.

Много и по-разному высказываются люди о маленькой народной песенке-частушке. В большинстве своем всякий из нас видел эти пляски на праздниках, когда идет так называемое групповое исполнение «черти табак толкли». Но присмотритесь в отдельных исполнителей, которые, как говорят в народе, «вошли в азарт». И вы увидите вот именно то гарцевание свободного жеребенка. Плясун начинает «выкидывать» такие «коленца», что заставь его исполнять на показ — не сможет, застесняется, сделается неуклюжим, неуверенным. Вслушайтесь в «масляные» частушки, и вы услышите внутренний безудержный всплеск озорства, удали, отрешенности и безрассудства, как всплеск огня любви и страсти. Нарочно так не сделаешь. Эта минута неповторимого индивидуального выражения чувств, которые в другой раз будут другими и отличительными. И хоть каблучки сыпят дробь выстукивания на полу, но душа в далеком неземном полете игривости и душевной полноты. Эту полноту можно выплеснуть в этой россыпи дроби, в этом воздушном полете, и это не выразить никакими словами.

То же можно сказать и о наигрышах на музыкальных инструментах, тогда о гармошке говорили, что «она умеет петь и плакать». И в каждом селе о таких

гармонистах говорили, что они и покойника в пляс поднимут. Именно гармонисту отдавали предпочтительное на праздниках, на игрищах. О них пели частушки, о них в подушку плакали девушки, потому что своей игрой выносили они наружу все то, что не всякий и не во всякое время решится так откровенно рассказать. И шли на такие гуляния как в ворота свободы чувств. Этому и соответствовало выражение «отрубите руки, ноги, я на пузе, но спляшу».

Современные магнитофоны не смогут выполнить той мобилизующей роли, какую играл гармонист, который в игру вкладывал душу песни, танца, пляски. Наиболее давней пляской, по утверждению Каюкова Андрея Силыча из поселка Усть-Тараба, были «топотуха». Сам он из рода степных татар и рассказывал, что «в пляске становились в круг и под наигрыш гармони притопывали ногами». Может быть, русские и дали этой пляске по притопыванию название «топотухи».

Групповые «плясовые» исполняли и русские, и украинцы, и татары. Любили их за импровизацию пляшущих, где сочетались припевки, присвистывания, притопы «дробью» и называли их «черти табак толкли». Мало чем отличались «чакотуха» и «чекоток». Разница в том, что для начала делался выход («пляска с выходом») одного плясуна «выбивавшего чечетку», к нему присоединялись другие, потом выходил опять один с другим «коленом»: «дробью», «с присядкой», «с кружением». К нему снова примыкали с групповой пляской. Но часто в ходе веселья, во хмелю и азарте, этот порядок не выдерживался.

Парные пляски, распространенные в селах Причумышья, были «барыня» и «табарок». Они отличались мелодией наигрыша и темпом. Один, начиная пляску, вызывал на круг кого-либо другого. Больше в пары входили мужчина и женщина. Эти пляски были рассчитаны на показ искусства пляшущих. Их еще называли «на перепляс».

В переплясе каждый выступал в повторе «колена» предыдущего и показывал свое искусство в новом колене. Выходивший на смену повторял в том же порядке. Повторялось столько, на сколько была выдумка пляшущих. В селе Мартыново обычно в таком переплясе выступали Сергеев Александр Гаврилович, Шадрин Фрол, Ходорев Григорий, Попов Иван и др.

В селах Причумышья, где были преобладающими переселенцы из южных губерний России и Украины, в почете были гопак, казачок, цыганочка. В этих плясках преобладало сольное выступление, и публика лишь поддерживала пляску притопываниями, возгласами, присвистами. Прихлопывание ладонями больше допускалось под цыганочку.

В каждом причумышском селе выделялись потомственные фамилии гармонистов, плясунов, песенников. Часто это сочеталось в одной семье. Так, в Чесноково была прославленная семья гармонистов и плясунов Катаевых, в потомстве которых и сейчас живут гармонисты — праправнуки и больше. В Мартыново Гуляев Алексей Ильич, Ахтямов Иван, Востриков Иван, Фокин Алексей, Князев Алексей Яковлевич, Брыксин Вениамин Алексеевич. Из Антипино

Некитеев Петр Федорович, Чалков Виталий Александрович, из Тогула Демин Фрол Лаврентьевич, Демин Иван Лаврентьевич.

Гармонь была неизменным спутником парных плясок девушек с исполнением частушек. Это были распространенные и постоянные пляски под названием «товарочка» и «подгорная». К гармонисту с наигрышем и переборами, т. е. виртуозным дополнением наигрыша темпераментными ритмами, девичьи парочки занимали очереди. Обычно на вечерках и на улице не было недостатка в пляшущих парах. Правда, мальчики реже плясали «товарочку», и мальчикам отдавалось предпочтение с пляской «за руки», с перехватом рук с партнершей с прокруткой.

Даже в самых маленьких хуторках были свои любимые «горки» и «точки». Их можно было найти по выбитому в траве кругу. Ход на точок обычно начинался от дома гармониста, куда приходили гуляющие, чтобы пройти по улице, взяв друг друга «под ручку». Гармонист в центре. Пение на улице исполнялось под «саратовский наигрыш» (саратовка и тамбовка), когда частушка делилась на две части, разъединенные красивым наигрышем гармонии. Частушки сопровождалась присвистами, чиканьем и даже шумовыми эффектами с приплясами впереди идущего ряда.

Ты играй, а я подсвиствну,
ягодиночка моя.
На твоей груди повисну,
брось туё, люби меня.

Когда не было гармониста, отдельные «искусницы» исполняли языковой наигрыш в виде «тыно-тына», «ля-ля» и десятка других. Под такой шуточный языковой наигрыш частушки исполнялись с не меньшим азартом. Были прославленные «гармонисты» в Овсянниково — Черпова Татьяна, в Мартыново — Мартынова Анастасия Емельяновна, в Степь-Чумыше — Беспалова Екатерина Тимофеевна, Гилева Ольга Степановна и др.

Чтобы узнать человека, надо услышать песни, которые он поет для себя, — в них его чаяния. Песни Причумышья имеют свою особенность в том, что тексты, известные, кажется, всюду исполнялись индивидуально, каждым исполнителем по-своему, и тут же в других селах оказывались дополнения или изменения, которые были свойственны тому коробейнику, который принес эту песню в село. Я имею в виду старинные фольклорные обрядовые песни. Эти песни сохранили тот давний песенный репертуар, часто с другими словами, который свойственен глубинкам вдали от городского «окультуренного» языка, смешанного в городской толчее с утратой индивидуального отношения к словам и смыслу. Где-то изменения в песнях появлялись, когда забывались иные слова или целые куплеты, но в большинстве добавления вносились от души исполнителя. Так, «Шумел камыш» имеет десяток вариантов даже с изменением смысла — от насмешки до горького сожаления.

В народных песнях всегда чувствуется душевность, простота, откровение, потому что они расчи-

таны не на красоту, не на авторитет, а вот именно на выражение души и смыслового назначения песни. Даже современные (вернее, близкие к современности) песни в индивидуальном исполнении для себя звучат особенно.

Однажды был мне счастливый случай слышать песню в одиночестве, в исполнении для себя: «Куда, куда, тропинка милая...» в исполнении покинутой женщины. Я был поражен тем, что в этой песне не заметил раньше бездонной глубины тоски в обращении к тропинке — куда теперь она ее ведет. И сколько безысходного горя, отчаяния, и обреченности оказалось в словах и голосе: «...кому пожалуюсь пойду». Вот именно в этом исполнении можно воспринять — «ох ты, печаль моя безмерная». Слушал я, и хотелось выплакаться слезами с нею о той безмерной утрате. Вот тогда я понял, почему в причумышских селах ходили на свадьбу слушать «невестино выть».

Если сказать языком причумышцев, «не есть какая невидаль наш забытый край». Никто никогда не читал о причумышских селах, никто не вписал в историю наших односельчан, не много и в художественной обработке, в литературе, сказано о наших нравах и нашем быте. Нет у нас и знаменитых для истории мест. Да и сами мы привыкли к своей серости и забытости. Не умеем душевно присмотреться к себе, к нашим делам и думам. А иногда стыдимся самих себя: «Я не хочу, чтобы кто-нибудь знал моего сердца страдания». Стесняемся сказать о чистоте своей души к нашим людям и их труду: сколько сотворено доброго дела, выращено хлеба, надоено молока, «не учтенного пока».

В своих поисках по истории Причумышья мне много приходилось и приходится беседовать по душам с жителями наших сел. И скажу вам откровенно, что наш «мир не без добрых людей». А всякая добрая душа выльется в песне, в стихе, которые остаются неизвестными. «Да, в наших селах в старину певали, — говорят в своих воспоминаниях старожилы. — Теперь песню и веселые гуляния отняли у людей телевизоры, радио, магнитофоны». И редко кто отваживается спеть свою песню любви: «...милый мой, в серые очи твои дай наглядеться мне вволю, головку склонить на плечо и выплакать горькую долю». Редко кто отваживается сказать о своей любви к родным краям, к природе, к людям. Почему-то стали «стыдиться» (а может, надо другое слово) своего благородного чувства любви к жизни, к ее красоте. Мне кажется, нет тех духовных вечеринок, где познавалась и воспитывалась эта любовь и красота. И песни и стихи слагаем тайно. И часто приходится открывать эти сердечные тайны случайно. И есть такие, кто умеет петь так, «чтоб за душу брало».

Хороводы в гуляниях занимали особое место. К ним требовалось больше внимания. Хоровод — это степенность стати, особенность согласованных движений, последовательности и размеренности. Хороводы требовали предварительной подготовки, о чем подружки договаривались заранее. Песнь в хороводе играла сопроводительную роль к движениям. Предъявлялись требования даже к одежде. Хороводы по

своему содержанию более близки сибирскому характеру и даже рассудительности. В Причумышье хороводы были нечасты, их водили в селах Нижнего Причумышья, где было больше переселенцев из северных губерний Европейской России. В Салме для хоровода было достаточно и двух пар (это минимальное количество участников).

Переселенцы центральных губерний, и особенно южных, в проведении празднеств более подвижны и азартны. Музыка их более мажорна и темпераментна. Тот же темп определялся и в играх, в выборе танца и пляски.

Игры, кроме своей изначальной направленности, требовали от участников исполнения песен, плясок, декламаций, сообразительности в отгадывании загадок. Их называли «фантиковые», потому что за ту или иную «провинность» в игре брали фантик (штрафной предмет), и его надо было выкупить исполнением задания «судьи» или ведущего. Вынимали фантик, и судье с завязанными глазами надо было вынести приговор. Задания зависели от сообразительности судьи или ведущего. В селе все знали отношения мальчиков и девочек, поэтому задания могли быть от поцелуя стеснительного мальчика любимой девочке до задания проводить до дому с вечерочки, т. е. спровоцировать свидание.

Игра в соседи. Садилась парами мальчики и девочки. Ведущий спрашивал у парочки: «Сосед соседку любя?» Если следовал ответ «любя» — ведущий давал им совместное задание для исполнения. Если один из пары выражал несогласие, то ему давалось право разлучить любую пару, и для избранника или избранницы он исполнял свой номер. Оставшиеся без пары могли идти «на любой вызов пары» тоже с исполнением своим или по заданию «выкупа». При задержании вызванного с него тоже брали фантик с последующим «выкупом». Смысл заключался в том, чтобы охватить всех «штрафными выкупами».

Игра в третьего лишнего. Пары становились в круг. Играющий без пары мог стать к любой паре изнутри круга. Тогда стоящий с внешней стороны должен стремительно перебежать, чтобы быть третьим в любой паре. Не успевшего наказывали ремнем или фантиком. Задача ведущего — перехватить бегущих и брать фантики.

Игра с клубком. Участнику, стоящему в круге, могли неожиданно бросить клубок и крикнуть слово или задание, к которому надо что-то досказать. Штраф брали за все: не поймал клубок, не сообразил смысла загадки, распустил нитку (нить была определенной длины, чтобы не терять времени на мотание). Если клубок пойман, дан ответ, нить не размотана, то штраф платит «ведьма», не обманувшая «Иванушку».

В ручеек играли в большинстве на улице, так как крестьянская изба по размерам не соответствовала игре. Пары держались на вытянутые руки, создавая тоннель. Беспарный шел в тоннель, увлекая за собой любого из пар и становился в конце так же на вытянутую руку. Оставшийся без пары повторял действия предыдущего игрока.

Ручеек с догоняшкой. Обычно проводился «на расхожую». Здесь беспарный выбирал пару. В задачу взятого входила обязанность догнать убегающего, чтобы вернуться в паре к играющим. Но ловящего чаще всего и «уводили» далеко, чтобы убежать безвозвратно, т. е. парень уводил свою избранницу, чтобы проводить до дома.

Так вечеринки становились самодеятельными концертами, на которых артисты становились зрителями и исполнителями. Симулянтов тоже штрафовали за «бесплатное» зрелище.

На «игрищах» рождались организаторы, выдумщики, активисты, из которых потом для села выходили знаменитые говоруны: свахи для свадеб, дружки, сказители, фантазеры, «выдумщики». И часто от вечерки до печки (бабушки и дедушки потом своим внукам сочиняли сказки, шутки, прибаутки, загадки и потешки, сидя за чувалом на печи). Так фольклор шагал по памяти поколений: изменялся, забывался, дополнялся, переосмысливался.

Встречается и такое, когда по недопониманию вдруг скажут: «Подумаешь, вечерка». Да, а подумать надо. В частушках, стихах, песнях, баснях, сказках душа наших людей с теплом и добром за внешней суровостью. Сколько здесь любви к своей Родине, к земле, на которой они жили, трудились, любили и любились.

Я вспоминаю праздник 60-летия организации совхоза «Яминский № 176». Приезжали люди, которые давно покинули наши места. Приходили в наш музей. Наверное, не сумею передать картины чувств и встреч, счастливых минут воспоминаний, когда смотрели они на лица уже ушедших из жизни. Интересно, какое разочарование чувствовалось после того, когда они обращались ко мне с вопросом: «а помнишь?», а я отвечал, что я не местный житель. И были такие выражения глаз, которые говорили, что могу ли я понимать тех, обязательно лучших людей, обязательно незабываемых времен и событий, если я не жил вместе с ними, и, кажется, сожалели обо мне, что не мог быть вместе с ними.

И сейчас, когда все так холодно, сыро и неуютно в нашей жизни, повстречавшись с прошлым, имеешь такое ощущение, словно погрелся на солнышке красоты и добра. Больше начинаешь понимать, что нельзя терять связи с прошлым во имя желанного будущего, что общаясь с прошлым познаешь и себя: кто мы, какие, откуда...

Не берусь судить о мастерстве и искусстве творчества, стихосложения без чистоты ямбов и анапестов, но зато есть самое ценное — чистота человеческих чувств, святая любовь к жизни.

Милый в Юрченко поехал
себе дролю завлекать.
В Аксунай когда вернется,
меня будет целовать.
Ой, Залесово, Залесово,
проклятое село.
С голодухи у миленка
руки, ноги повело.

Меня дома упрекают,
что помногу хлеба ем.
Возьму беленьку котомочку,
уйду — не надоем.

Мой миленок — тракторист,
ну а я доярочка.
Мы ударники в колхозе,
неразлучна парочка.

Ларичихинские частушки

В. Д. Надеева, Н. В. Ширяева, М. Юзефович

Частушка как главный жанр крестьянской лирической поэзии, получивший большое распространение в XX в., сочетает в себе старину и реалии нынешнего времени. Кое-что в текстах частушек уже требует специального пояснения для современного молодого слушателя, формирующегося в совершенно новых социальных условиях. Вместе с изменением жизненного уклада в прошлое уходят многие духовные ценности советского периода. Цель настоящего исследования — проследить, насколько частушка наполняла духовную жизнь простого человека, как она откликнулась на быстрые изменения политической ситуации в России.

Частушка тесно связана с традиционным песенным жанром, она прочно вошла в народный обиход. В каждой местности этот жанр имел свое название: «песни», «короткие песни», «припевки», «пригудки», «прибаски», «соберушки» и т. д. Постепенно эти местные названия были вытеснены и сменились общим — «частушки». В нашей местности — в селах Ларичихинского сельского совета — встречается также название «страдания».

Появление каждой частушки всегда связано с какими-либо явлениями народной жизни. Поэтому, изучая творческое наследие частушечниц — старейших жительниц нашего села Веры Николаевны Зорькиной (сейчас ей исполнился 91 год), Анны Дмитриевны Марчуковой (ей исполнилось 76 лет), Марии Ивановны Тагильцевой (75 лет), можно с большой точностью представить себе их жизнь, богатый духовный мир по их же частушкам. Познакомившись с Верой Николаевной Зорькиной, поговорив с ней о жизни, дивисься ее жизнелюбию, ее светлomu отношению к жизни.

Родилась Вера Николаевна в крестьянской семье. В семье было шестеро детей: две дочери, четыре сына. Мать Матрена Екимовна и отец Никифор Яковлевич большой семье радовались, как и новой жизни после революции 1917 г. — ведь власть наступила своя, народная. На жизненные трудности смотрели как на временные, себя в труде не жалели, хотели побыстрее на ноги встать, пожить всласть, как мечталось. Поэтому и песня в их доме была не редкостью, а веселая озорная частушка только сноровки добавляла. Дети росли, радовали родителей. Верушка пошла в первый класс. Не ходила — летала в школу, такая быстрая была. До сих пор жалеет, что не пришлось поучиться: заболел тифом отец. От него заразились все. Следом умерла сестра, затем мать. Остались дети одни. Незавидна сиротская доля. Пока жива была мать, как-то перебивались, хоть и тяжело было: всю работу делали вручную — пахали, сеяли, снопы вязали. За счет хозяйства держались.

В 1921 г. пришли раскулачивать. «А кулачить-то было нечего — отобрали двух коров да коней», — горестно вздохнула Вера Николаевна. Еще труднее стало перебиваться. А так на вечерки сходить хотелось — и песни любила, и озорной частушкой могла поддеть:

Я одену юбку рябую,
Рябую-прерябую,
Кто с моим миленком ходит —
Морду покорябаю.

А уж как случалось с залетками столкнуться на вечерке или соперницами у колодца — не умолкая звучали частушка за частушкой:

Не ходи, машинка, бором,
Не ломай сосеночки,
Не садись, мальчишка, рядом —
Сердятся девчоночки.

На меня говорят —
Присушаю ребят.
Вы спросите моего,
Присушила ли его.

Частушки не обременяют себя описанием природы, хозяйственной и бытовой обстановки. Однако какая-нибудь деталь деревенской хозяйственной жизни делает частушку особенно веселой и вызывает хохот:

Не ходи, мой дорогой,
Не ходи ты по задам,
Не жалея моей картошки,
Топай прямо по грядам.

Проходили такие гуляния под окнами у реки. За деревней — поле, лес, дороги, тропинки и дорожки. Парни, бывало, поодаль сзади шли и в долгу не оставались, лихо подсвистывая, отвечали:

Соловей мой, соловей,
Соловей мой, пташечка,
Расскажи мне, соловей,
Где моя милашечка.

Бывало, что и сами озорничали, вспоминает Вера Николаевна:

По деревне мы идем,
Стукаем и брякаем,
И по морде надаем,
Долго не калякаем.

Теперь уж с трудом вспоминается, кто какими частушками отвечал, все давно ушло, а меткие ходовые народные выражения остались. Вроде бы и нет в них особого смысла, а хороший настрой несут окружающим, всем весело делается:

Лапти по миру ходили,
Обморозили носки,
Корзина дрови отбивала,
Забросала все куски.